

[Я не могу удержаться от желания упомянуть, что она говорила и гораздо хуже.]

Двое из детей умерли от пищевого отравления, а остальные... преобразились. Яйца оказывали невероятно сильное воздействие на взрослых, так что можно только представить, что они делали с детьми. Я отчетливо помню, что меньше чем через минуту после того, как они откусили кусочек, они перестали сопротивляться. Все признаки боли или страдания исчезали с их лиц, и вскоре на смену им приходили звуки принудительного, неконтролируемого смеха и радости. Их зависимость была... мгновенной, что стало ясно, когда приехала полиция.

Сначала возле нашего дома появилась небольшая толпа, а затем послышался вой сирен. Они выломали дверь и попытались спасти нас, но тут возникли некоторые сложности. Во-первых, когда один из офицеров попытался развязать ребенка и увести его от яйца, маленький гаденыш ударил его вилкой по лицу. Они, видите ли, не хотели уходить, да и с чего бы? Ничто, абсолютно ничто во внешнем мире не могло сравниться с тем блаженством, которое они испытывали в тот момент. И разлука с ним... ну, вы понимаете, почему они так бурно отреагировали.

Четверых выживших удалось удержать, хотя, если верить моим источникам, они так и не смогли полностью восстановить психику. Но я опять отвлекаюсь.

Я тоже был спасен, а виновный покемон обездвижен. И все же... все это время Блисси не жаловалась, не сопротивлялась и не теряла своей широкой улыбки. Я полагаю, она уже получила то, что хотела, потому что почти невидимый хмурый взгляд исчез, как только дети съели яйца.

И подумать только, что такое естественное явление, как эволюция, может завести покемона в такой ужасный тупик. Это трагично... но и забавно, я полагаю. Я люблю думать об этом как о своей маленькой личной мести. Это единственный вид мести, который я когда-либо получу.

[Она делает глубокий вдох и на мгновение закрывает глаза. Она говорит уже долгое время, и я не знаю, вызвана ли внезапная грубость в ее голосе этим или чем-то другим].

Я не привыкла, чтобы меня так баловали, и не привыкла говорить так долго, поэтому прошу прощения за небрежное изложение своего прошлого. С другой стороны, я сомневаюсь, что у вас или ваших читателей есть право жаловаться. В конце концов, это моя жизнь.

[Еще одно короткое молчание, но на этот раз ее взгляд падает на меня. Несколько секунд они смотрят на меня со знанием дела, и я представляю, как Моника улыбнулась бы, если бы у нее хватило на это сил].

И все же у меня такое чувство, что вы пришли сюда не только за историей. То, как вы на меня смотрите, говорит о том, что вы хотите узнать что-то еще.

«Я надеялся, что вы знаете, что... ну, ни одна Блисси никогда не проявляла таких сильных наклонностей, как та, которую вы описываете.»

Вы правы.

«И что, учитывая слухи о городе, в котором вы выросли...»

Вы хотите знать о них.

[Она делает ударение на последнем слове и кривит губы в забавной улыбке. Я изо всех сил стараюсь скрыть свою нервозность].

«Я бы хотела знать, что случилось с Блисси после этого».

Ее не усыпили, хотя я уверена, что вы это уже знаете.

Через несколько минут после приезда полиции я услышала звуки нескольких больших машин, стоявших возле дома. Вошла высокая темноволосая женщина в темно-фиолетовом костюме и, поговорив с несколькими полицейскими, убедила их покинуть дом. Затем она позвала нескольких своих... Я полагаю, подчиненных, и перенесла Блисси в свой автомобиль. Это был последний раз, когда я ее видел.

«У них был какой-то значок или...»

Значок. На левом нагрудном кармане две черные лианы глицинии, образующие круг, если я не ошибаюсь.

[По тому, как она постукивает пальцем по подбородку, становится ясно, что она все прекрасно помнит. Я пытаюсь сдержать свое волнение и разочарование, и после нескольких секунд записывания ее слов поднимаю на нее глаза].

«Можете ли вы рассказать мне о них что-нибудь еще?»

Ничего особо полезного, во всяком случае, не для вас. Я надеюсь, вы не разочарованы.

«Все... хорошо. Спасибо, что уделите мне время и согласились рассказать эту историю».

[Она не отвечает, но смотрит на свою пустую чайную чашку с чем-то похожим на грусть. Я встаю со стула, кладу блокнот и карандаш в сумочку и смотрю на дверь].

«Я пойду. И еще раз... спасибо».

[Я едва успеваю переступить порог, как снова слышу ее голос. В нем нет обычной энергии и озорства, и я вижу, что она не поднимает глаз, когда говорит].

Я бы посоветовал вам быть осторожнее, мисс Тюльпан. Я надеюсь, вы понимаете, во что ввязываетесь.

«Я буду осторожна. До свидания, Моника».

[Отступление: Моника Сараево умерла через неделю после этого интервью. Коронер констатировал, что она задохнулась во сне.

Они уже исключили любую возможность нечестной игры.

Я - нет.

Я съезжаю из отеля, в котором остановился, как только смогу опубликовать эту запись. Возможно, мне придется затаиться на некоторое время, поэтому я не буду обновлять информацию, пока не соберу новые сведения.

<http://tl.rulate.ru/book/115544/4513239>